

Сергей Гавров, Александр Мелихов

Похищение Европы

Соблазненные и напористые

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, — как всякая эффектная формула, она неверна: Запад и Восток время от времени захаживают друг к другу в гости всерьез, надолго, с большим шумом и большой кровью. Волна завоеваний катится то в одну, то в другую сторону — Пунические войны между Римом и Карфагеном, прорыв Александра Великого, натиск монголов, сельджуков, Крестовые походы, череда войн с Османской империей, конкиста и реконкиста на Пиренеях... abduction

Но именно благодаря такой кровавой истории, в Европе оказалась частично восстановленной разорванная христианством культурная преемственность. Западный мир получил от Востока не только книжную мудрость античности, но и многочисленные бытовые удобства, начиная с нижнего белья.

Последнее вооруженное движение Запада на Восток относится к эпохе колониальных захватов, вместившей в себя и массовые убийства местного населения, и массовые национально-освободительные движения, приведшие в XX веке к крушению колониальной системы и образованию множества новых независимых государств. Запад, прежде всего Великобритания, буквально взломал Восток, на штыках своих солдат продвинув в этот регион свои правила игры — элементы либеральной экономики, навыки управления, военного дела, образования, архитектуры... Запад после Крестовых походов, только в несравнимо более широких масштабах, вновь открыл для себя Восток, а Восток вновь открыл по-хозяйски расположившийся в его доме Запад.

При этом наиболее успешное по своим долговременным последствиям взаимодействие культур наблюдалось там, где европейские нововведения накладывались на традиционные структуры, порождая новые культурные формы.

Так, например, в Индии административная колониальная система надстраивалась над существующей традиционной системой, общество сохраняло свою социальную структуру, сложившуюся систему отношений и институтов. Британскую колониальную власть возглавлял генерал-губернатор, но и махараджи и набобы тоже сохраняли власть в своих традиционных владениях. Англичане пытались управлять огромной мультикультурной страной при помощи специализированного аппарата «Индиан Сивил Сервис», большинство чиновников которого было набрано из местных жителей. Тем

самым эта административная система, по сути, готовила управленческие кадры для новой, независимой Индии, что в итоге ускорило процесс формирования хиндустанского этноса, ставшего прообразом индийской нации.

Эту формулу нужно как следует осознать: хозяева страны своими руками создают государственную и этническую структуру, которая в конце концов свергает их власть. Именно колонизаторы дают покоренным народам наглядное представление о современном государстве, о том, как надо организовывать, обучать, вооружать армию. Через одно или несколько поколений колониальное господство уходит в прошлое, уступая место новым независимым государствам.

Новым мощным толчком к изменению равновесия между Западом и Востоком стала Вторая мировая война в Азии. Высадка американской армии в Японии и ее владениях в Юго-Восточной Азии, распространение сначала американских военных баз, а затем и западных технологий вкупе с развитием внешней торговли окончательно включили этот регион в мировую капиталистическую систему. Американское военное присутствие в значительной степени сохранило западное влияние и после распада колониальных империй.

«Железный занавес» между странами Варшавского договора и НАТО тоже был одной из форм поддержания равновесия между Востоком и Западом, — взаимодействие различных культурно-цивилизационных центров продолжается и сегодня. Продолжается главным образом культурная экспансия, борьба притягательностей одних вер и культур для людей, принадлежащих другим верам и культурам, — хотя, к сожалению, и вооруженное насилие все еще продолжает играть свою древнейшую роль. Используя свое подавляющее технологическое превосходство, Запад опять пришел на Восток в обличье военной силы — речь идет, прежде всего, о западном военном присутствии в Ираке и Афганистане.

Можно указывать множество причин применения военной силы, отсылать к терактам 11 сентября 2001 года или к «незавершенной» Иракской компании Буша-старшего, но это будет лишь внешняя канва. Глубинной же причиной стало скорее историческое нетерпение, стремление взять под контроль наиболее пассионарную часть традиционного исламского Востока, явленного сегодня не только в традиционных религиозных формах, как в Иране и Афганистане, но и в обличье светском, выраженном, как, например, в Ираке, в баасистской идеологии.

Наиболее радикальная часть мусульманского Востока пытается дать региону, а затем и миру альтернативу западному обществу модерна в форме теократического государства, живущего по законам шариата. Запад традиционно отвечает на этот мусульманский проект как своим прямым военным присутствием, так и поддержкой светских прозападных правительств региона (предлагаем задуматься, до какой степени сам мусульманский проект есть превышение необходимой обороны от предыдущей западной экспансии).

Эта ускоренная, военизированная вестернизация может быть успешной или неуспешной, она вполне способна даже еще сильнее обострить реакцию

религиозного фундаментализма, но в любом случае она разрушает культурную, религиозную, идеологическую изоляцию мусульманского Востока по отношению к Западному миру. Более того, именно успешное преодоление исламского традиционализма окончательно уничтожает мотивы тамошнего населения держаться за свою бедную родину: миграция Востока на Запад — один из выразительнейших симптомов победы Западной мечты над Восточной.

Еще более эффективной и более массовой формой повседневного воздействия, а как следствие, и контроля Запада над Востоком является распространение массовой культуры и соблазнов бытового комфорта Западной цивилизации. В состязании грез, в состязании культур из двух вечных орудий — угроза и соблазн — второе приносит более прочные плоды. В том числе и нежеланные. Великое переселение взломанного Востока на взломавший его Запад — один из важнейших таких плодов. Соблазненный Восток явился в Западный дом, подобно Васисуалию Лоханкину: я к вам пришел навеки поселиться...

Хотя соблазнитель предполагал отдельное проживание.

Но — нельзя разрушать чужие дома без риска увидеть бездомных у себя под дверью. Возможно, извлекая урок Европа вскоре введет в международное право уголовную статью «модернизация со взломом» и станет более снисходительной к авторитарным правителям Востока, если они сумеют удержать своих подданных у домашнего очага.

Непосильное бремя белых

Победы Запада принесли незападному человечеству представление о центрах военной силы и культурного притяжения, пребывающих в Лондоне, Париже, Мадриде, Нью-Йорке, до основания поколебав прежнее его представление о себе как о наиболее успешной части человечества, представление, защищающее индивида от мучительного чувства экзистенциальной беспомощности, экзистенциальной неудачи.

В результате сегодняшней Восток сам приходит на Запад, набирает силу процесс нового Великого переселения народов, «старая Европа» и США становятся все более мультиэтническими. Но сегодняшние пришельцы, лишенные традиционной экзистенциальной защиты, уже не смиряются со своей социальной второсортностью, ибо она теперь ранит их слишком сильно: униженность в социуме неизбежно открывает нам глаза на нашу униженность в мироздании. Ситуация на Западе («богатом Севере»), становится все более напряженной. Ведь самой массовой и древней реакцией на «чужих», на людей иных культур является реакция отторжения — что вдвойне относится к чужакам гордым, не выказывающим уважения к местным святыням, в которых находят экзистенциальную защиту коренное население. Ответом этой «конкисте» является ренессанс национализма — Национальный фронт Ле Пена во Франции, Партия Свободы Йорга Хайдера в Австрии и т.д. (о партизанских

выходах скинхедов деликатно умолчим).

Однако это не более чем арьергардные бои уходящей с исторической арены европейской цивилизации. Ей уже давно нечем утратить, а в самом главном — экзистенциальном — отношении и нечем соблазнить пришельцев; прогнозы же демографов предвещают неизбежность растворения «старых» европейцев в океане незападного человечества.

Согласно прогнозам, численность населения Земли должна достичь исторического максимума к концу XXI века, после чего начнется длительный процесс депопуляции человечества. Рост же народонаселения в течение всего этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран с их более низким уровнем доходов, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины — и т.п.

Исследования, проводимые в XX веке в разных регионах Земли, в том числе и в странах третьего мира, показали, что чем выше уровень женского образования и осознания себя как личности, тем ниже уровень рождаемости, и было бы странно, если бы это было иначе, если бы женщина с готовностью отказывалась от самореализации в профессии, для приобретения которой приложила столько труда.

В наибольшей степени эта тенденция — индивид, желающий самореализовываться не в потомстве, а в собственной личности — проявилась в Европе. Если около 1900 года все население Земного Шара составляло 1636 миллионов человек, и почти половина из них была европейцами, то к 2050 году в Европе будет проживать не более 7% населения планеты [1]. Естественно, что речь идет обо всем населении Европы, включая постоянно живущих там эмигрантов из других регионов планеты.

Разница демографических потенциалов и жизненных возможностей создает угрозу растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане незападного большинства, физически устремленного на Запад, а духовно — пока что! — на Восток.

Иными словами, сегодня в мире происходит постепенный процесс вестернизации Востока и остернизации Запада. Благодаря большей сохранности традиции, прежде всего массовых традиционных религий, люди Востока могут экспериментировать с обновлениями образа жизни довольно безнаказанно для сохранения основных характеристик своей культурно-цивилизационной идентичности — для модернистского же Запада такие эксперименты разрушительны, поскольку пассионарность, вера в собственную непогрешимость, в свое право учителя и вершителя у европейцев была подорвана двумя мировыми войнами и крушением колониальных империй.

Потерявшие религиозную веру, а после двух мировых войн и веру в человека, люди Запада ищут нового смысла жизни, то есть новой грезы, способной убить ужас экзистенциальной ничтожности. Сегодня мы наблюдаем их нарастающий интерес к незападным религиям, проявляющийся, в своем высшем выражении,

в ежегодном принятии ислама, буддизма, индуизма десятками тысяч этнических европейцев.

Но даже если поиски новой идентичности не выражаются в осознанных религиозных исканиях, европеец все чаще ищет идеологической, смысложизненной альтернативы западной, протестантской в своей основе культуре сдержанности, рациональности, труда как высшей жизненной ценности, ибо труд как служение Богу и труд как средство избежать нужды и социального унижения (словом, как неизбежное зло) – совершенно разные вещи. И находит он эти альтернативы на Востоке и Юге, в регионах, жителей которых поколения европейцев рассматривали как учеников, но никак не учителей. Разумеется, эти альтернативы гораздо больше выражаются в приверженности к чужим сказкам, чем в приверженности к реальному образу жизни чужеземцев, но ведь борьба культур и есть главным образом борьба по-своему притягательных сказок...

Из этой глубинной экзистенциальной неудовлетворенности вырастает все более острый интерес европейцев к незападным формам культуры, в том числе этнической музыке и моде, восточным наркотическим средствам, ибо человек склонен в конце концов подражать тому, кто выглядит более счастливым, а богатство может лишь обострять счастье, когда оно есть, но не способно создать его, когда его нет.

Как правило, человек начинает задумываться о том, кто он, о нормах и правилах, задаваемых собственной культурой, когда встречается с людьми, воспитанными в рамках иной культуры, — особенно, если эти люди выглядят более счастливыми. Здесь возможно множество индивидуальных поведенческих реакций — от полного отторжения, что случается чаще, до полного принятия, до выбора новой культурной идентичности.

Мы знаем, что поиск новой культурной идентичности при вольном или невольном погружении в новую среду явление давно и хорошо изученное — но сегодня часть этнических европейцев меняет свою идентичность без смены среды повседневного обитания. Эти европейцы пока в меньшинстве, но именно они осуществляют эксперимент по добровольной капитуляции Запада, его остернизации.

Этот процесс проникновения на Запад религий и культур Востока так бы и остался вполне локальным, субкультурным начинанием, одним из креативных источников все перемалывающей массовой культуры, если бы не подрыв демографического воспроизводства населения западных стран и его безбрежный постколониальный мультикультурализм — отказ считать свою культуру не только главной, но и даже сколько-нибудь предпочтительной. Более того, этот отказ от непосильного «бремени белых» отдает культурным конкурентам то, чего они, в сущности, еще и не требовали: нельзя же считать серьезным требованием огромной социальной группы выходки отдельных задира! Если же говорить о глубинных потребностях перемещенных масс, то вполне вероятно, что им самим было бы проще обрести экзистенциальный

приют в новом доме (в новой культуре), чем разрушить его, — но могут ли пришельцы уютно обустроить дом, от которого отказались его собственные хозяева!

Предварительно разрушившие чужие дома... И продолжающие делать это снова и снова в борьбе за модернизацию «закопавшего в предрассудках» Востока.

И это при том, что Западная цивилизация в своих классических, модернистских формах сегодня умирает. Демографические процессы здесь лишь следствие, причина в усталости Запада, потере витальных сил, накопленных во времена Античности и Средневековья. Люди Запада долго сжигали накопленную тогда энергию жизни, энергию пассионарности, энергию воодушевляющих грез, порождающих в людях готовность идти на риск и жертвы во имя будущего. Подчинив ее радио, потребности в комфорте и безопасности, они в конце концов сами «убили» нового Бога.

Это убийство — процесс секуляризации западного общества и культуры — заняло несколько столетий, но на смену прежним сказкам теперь уже не спешат новые грезы о прогрессе, о мире без наций и эксплуатаций, а это и есть главный признак поражения Европы не только в сфере демографии, но и в сфере духа, то есть коллективного фантазирования.

В преддверии XX века Ницше провозгласил смерть христианского Бога — теперь европейцы умирают сами. Умирают не столько от болезней, сколько от потери жизненного смысла, а деньги и сколь угодно высокий уровень материального комфорта сами по себе таким смыслом быть не могут — все это только средства, способные обострять счастье, но не создавать его. Ибо счастье создается лишь системой иллюзий, способных заслонить от человека его беспомощность и кратковременность в бесконечно огромном и равнодушном космосе.

Однако, угасая, европейцы успели создать группы неофитов Запада в незападном мире, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения и даже мечты. Именно эта, наиболее вестернизированная часть восточного мира становится шансом Западной цивилизации сохранить культурную преемственность при столь резком изменении ее этнического состава, подобно тому, как культура Римской империи впитала в себя греческое религиозное и культурное наследие, сделавшееся основой общей культурной традиции античности.

Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и с западной модернистской культурой, которая, пройдя через череду толкований и превращений, будет жить на иной культурной почве незападного человечества. Хотя сегодня речь может идти лишь о частичной культурной преемственности, поскольку Запад все больше утрачивает свою тотальную притягательность для остального мира, которой он обладал в большей части XX века.

Чем соблазнять?

Вполне возможно, что свобода экзистенциального выбора просто непосильная ноша для индивида. В романе одного из авторов данной статьи «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот» есть притча на этот счет.

Где-то на краю света некий рабочий поселок утопает в грязи, бедности, воровстве, пьянстве и тому подобных свинцовых мерзостях. Пророк-гуманист Сабуров преображает этот уголок ада в уголок рая: на месте развалюх вырастают чистенькие домики, исчезает национальная вражда, воровство, в либеральных школах умытые и причесанные дети пишут оригинальные сочинения, зато — появляются самоубийства. И пророк с ужасом понимает, что дал людям комфорт, достаток, вежливость, но разбил стереотип их жизни: внес сомнения туда, где прежде все делалось автоматически. Человек же силен и спокоен только тогда, когда по любому вопросу у него имеется единственно правильное мнение. А там, где допускаются два мнения, завтра их будет четыре, послезавтра восемь, — они начнут делиться, как раковые клетки... Всеобщее несогласие, то есть всеобщее одиночество, и неуверенность во всем — вот итог свободы и терпимости. Свобода мысли — это рак, — на этой оптимистической ноте пророк и заканчивает свою земную стезю.

В романе дозволены и даже необходимы преувеличения, но и при ответственном социальном анализе трудно сомневаться, что в социальной жизни человек ищет удовлетворения не только социальных, но и экзистенциальных потребностей. И культура есть система коллективных выдумок, защищающая нас от совершенно обоснованного чувства нашей хрупкости и мимолетности, наделяя нас иллюзорной уверенностью в своей правоте, красоте, силе и долговечности. Пришельцам, оставшимся без экзистенциальной защиты, гораздо более необходима включенность в новую, господствующую систему коллективных фантазий, чем коренному населению.

Но как включиться в культуру, от которой почти отказались сами ее хозяева? Какими наследственными грезами Запад может соблазнить пришельца с Востока, если в его собственном образованном слое доминирует личность, соединяющая в себе индивидуализм и рационализм, то есть делающая ставку на краткосрочные интересы и разрушение всех иллюзий? Разумеется, желание социального успеха внутри социума-реципиента у «чужаков» остается всегда, но этот успех сегодня почти не требует культурной составляющей. В аристократическом обществе, где власть, богатство и культура сосредоточивались в одних руках, путь наверх жестко требовал от парвеню включенности в господствующую культуру — в ответ одаривавшую его драгоценным ощущением участия в величественной исторической драме. Сегодня таких драм почти не осталось и для самих хозяев; для социального успеха в либеральном обществе культура требуется лишь в самых низших ее формах элементарных приличий.

Европейская культура: вспыхнуть, прежде чем погаснуть

Здесь и возникает роковой вопрос: какую «европейскость» может передать миру уходящая европейская цивилизация? Будут ли это классические образцы европейской культуры или полувоспетая-полуосмеянная Энди Уорхоллом культура макдональдсов, Голливуда, гедонистического культа комфорта и девиантных жизненных практик, своим многообразием практически уничтоживших понятие нормы? Будут ли это мечты, позволившие Западу достичь своих культурных, технологических вершин и овладеть половиной земного шара, или выделяемые сегодняшней западной культурой постмодернистские «трупные яды», ускоряющие его закат?

Увы, принести другим можно только то, что они могут воспринять, а незападному миру проще воспринять от Запада не вершины его культуры, но ее вершки. Музыка Баха распространяется куда сложнее, чем «попса», на продвижение которой работает огромная машина шоу-бизнеса. Массы, как на Западе, так и в остальном мире, всегда воспринимают то, что не требует дисциплины и труда, – «трудную культуру» на серьезном уровне как правило воспринимает и несет лишь национальная аристократия каждого народа.

И тут мы подходим к другому препятствию - к изменению культурных предпочтений самих «учителей». Распространение и производство культуры (чарующих иллюзий) в современном либеральном обществе определяется законами рынка, спросом и предложением - важна только продаваемость. Часто «продукты культуры» не несут почти никакой самостоятельной эстетической нагрузки, являясь художественным обрамлением рекламы. **НО СТОЛЬ ЖЕ ЧАСТО ОНИ ТИРАЖИРУЮТ ТОТ ТИП «КРАСОТЫ», КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ЭСТЕТИЗИРОВАННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ САМЫХ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ВОЖДЕЛЕНИЙ И МЕЧТАНИЙ. ГРУБО ГОВОРЯ, НА РЫНКЕ КУЛЬТУРЫ БОЛЕЕ ВСЕГО В ЦЕНЕ НАРКОТИКИ И ОРУЖИЕ – ФАНТАЗИИ, СПОСОБНЫЕ ПОДАРИТЬ ЗАБВЕНИЕ ИЛИ СВЕСТИ СЧЕТЫ С КАКИМИ-ТО ОБИДЧИКАМИ.** Удешевленный культурно-коммерческий продукт легко проникает через государственные и культурные границы, - наследование такого продукта незападным человечеством представляется почти несомненным. Оно имеет сходство с тем упрощенным наследованием, которое некогда демонстрировали варварские государства раннехристианской Европы в отношении культурного наследия Античности, однако грозит зайти гораздо дальше, передав наследникам не столько добродетели, сколько болезни. С которыми, вполне возможно, не сумеют справиться и сегодняшние духовные вожди ислама – может статься, массы их поддерживают лишь до тех пор, пока видят в них средство насолить своим западным обидчикам. После победы над коими ригоризм мусульманских Солженицыных немедленно покажется, мягко говоря, старомодным, мешающим как следует насладиться плодами победы.

И если постепенно уходящая сегодня с исторической сцены Западная цивилизация желает, подобно Античности, все же проступить в будущем сквозь поглотивший ее океан незападного человечества своими сияющими вершинами, а не масляными пятнами, она должна в уже уходящие исторические сроки соблазнить своим классическим культурным наследием растущую внутри

Востока будущую элиту остернизированного Запада – будущую постзападную элиту Европы.

Но в демократическом массовом обществе, где богатство, власть и культура рассредоточены по разным социальным группам, для массовых форм социального успеха приобщенность к высоким формам культуры не только не требуется, но едва ли не является препятствием. Тогда как для тех, кому дорога европейская культура, желательным является ровно обратное – формирование нового культурного ценза, вбирающего в себя наследие классической европейской культуры. Соответствие этому культурному цензу в идеале должно стать необходимым условием европейского успеха, тем «игольным ушком», пройдя сквозь которое, только и можно стать социально успешным гражданином объединенной Европы. Этот культурный ценз применялся бы к «новым европейцам» наравне с требованиями о знании языка и об отсутствии криминального прошлого.

О растущая европейская бюрократия, на тебя уповаем мы! Сделай знание высокой европейской культуры, культуры Рембрандта, Бетховена, Данте, Микеланджело, Шекспира, Байрона, Толстого, Достоевского непременным условием получения европейского гражданства! Нам грезится некая высокая комиссия, перед которой вчерашний варвар исполняет оду «Обнимитесь, миллионы!», а чиновные эксперты растроганно кивают ему в такт... А кто-то, может быть, даже и прочтет «Несите бремя белых»? Единственное, в чем расходятся наши мечтания – во что обрядить высокий трибунал: в тоги римских сенаторов или в цилиндры британских лордов?

С существенно меньшей долей скепсиса мечтается и о каком-то едином усилии европейской интеллигенции вроде того, что на короткий миг возникло в революционном Петрограде, когда оставшиеся в красной России интеллигенты приобщали к высокой культуре победившие массы: «И, каждый стих гоня сквозь прозу, Вывихивая каждую строку, Привил-таки классическую розу К советскому дичку» (В.Ходасевич). И хотя грядущие гунны в конце концов пошли за другими вождями, однако их барды сохранили в своих лирах отзвуки Киплинга и Гумилева... К которым со временем и вернулись почитатели Симонова.

Все-таки по-настоящему обаятельными бывают только сильные и счастливые! Мало кого сумеет повести за собой учитель, дышащий туберкулезом и безнадежностью... Вряд ли гордые джигиты покоренного Кавказа в свое время согласились бы пойти на службу Российской империи, если бы им пришлось подчиняться хилым интеллигентам, а не таким же гордым аристократам.

Сегодняшняя европейская культура тем более не сумеет обольстить пассионарных пришельцев, покуда ее носителями будут интеллектуалы или интеллигенты – первые вовсе равнодушные к моральным сомнениям, вторые из одних лишь сомнений и состоящие: соблазненные и отвергнутые нуждаются не в сомнениях, а в уверенности.

В не такие уж по историческим меркам далекие времена во многом именно

через наследственную аристократию западного мира осуществлялась преемственность духа, воспитание людей, готовых руководствоваться в повседневной жизни чем-то еще, кроме сугубо материальных ценностей. И как бы ни оскорблялись разночинцы надменностью этой касты, их собственный культурный прорыв был обусловлен стремлением превзойти ее и на этом поприще.

Так почему бы и сегодня не сделать ставку на новую аристократию, сочетающую в себе силу и культуру? Как это было во времена Монтеня и Декарта (а в России во времена Пушкина и Лермонтова). Разумеется, мы понимаем, что Европа эпохи упадка – не растущая пассионарная Европа, здесь, что ни изобретай, впереди угасание. Вопрос только в том, насколько быстрым окажется это угасание и какой мир придет на смену миру европоцентричному. Все, о чем мы мечтаем, — это об угасании медленном, сменяемом ренессансными вспышками, порождающими иллюзорную надежду, что у Западной культуры еще есть жизненные силы, что возможно ее возрождение.

Если нельзя восстановить демографию и оживить Европу людьми, следует хотя бы попытаться вырастить и укрепить грезы о европейском историческом величии и непреходящей ценности высокой европейской культуры.

Если эти воодушевляющие грезы будут усвоены новой аристократией, мы получим политические элиты, мечтающие о воскрешении Европы и европейской культуры, подобно тому как в течение практически всего Средневековья монархи варварских европейских королевств мечтали о воссоздании Римской империи. Им казалось, что мир не может жить без великого прошлого Рима и даже их собственное величие не может быть полным без такого самоназвания. И они именовали свои государства Римскими империями Германской нации....

Мы уповаем на перерождение хотя бы части творцов и пропагандистов европейской культуры из певцов релятивизма в защитников наследственных европейских ценностей, высокой культуры, аристократических традиций. И в России как неотъемлемой части Европы хотелось бы увидеть преобразование интеллигентов в аристократов – преобразование из защитников униженных и оскорбленных, которым до сохранения европейской культуры нет ни малейшего дела, в сообщество аристократических наследников Европы периода ее расцвета. Наследников, которые станут не приветствовать радостным гимном новых гуннов, а нести зажженные светлы европейской культуры из катакомб и пещер на площади и в школы. Европе необходим хотя бы кратковременный культурный ренессанс, европейская культура должна еще раз вспыхнуть, прежде чем погаснуть, если она желает светить человечеству и после своего заката.

Каждому случалось видеть, как расплывшаяся, расплзшаяся женщина производит на свет новехонького младенца, удивительно напоминающего маму в пору ее цветущей юности: к счастью, наследственное вещество, геном, не стареет так быстро, как остальная плоть. Восстановление всего одряхлевшего

тела Европы, которым вот-вот окончательно овладеют пришельцы, дело заведомо невозможное, но восстановление ее генома, ее аристократии – хотя бы на период зачатия! – дело хотя и тоже очень трудное, но, надеемся, выполнимое.

Только в этом случае новая Европа будет походить на свою мать.

Ибо ассимиляция означает уподобление, а уподобляться хочется лишь сильным и уверенным.

[1] По данным прогнозных оценок, в 2050 году список самых населённых стран. Планеты изменится следующим образом (в миллионах человек): Индия – 1529; Китай – 1478; США – 349; Пакистан – 346; Индонезия – 312; Бразилия – 244; Нигерия – 244; Бангладеш – 213; Эфиопия – 170; Конго (Демократическая Республика) – 160; Мексика – 147; Филиппины – 131; Вьетнам – 127; Россия – 122; Иран – 115; Египет – 115; Япония – 105; Турция – 101. В.Ф.Галецкий Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф.Галецкий, А.А.Овсянников и др. М.: Наука, 2002. 322 с.